

Б.Н. Флоря

СТРОИТЕЛЬСТВО СМОЛЕНСКОГО КРЕМЛЯ И ОТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.

Аннотация На примере разбора свидетельств о мобилизации разных групп населения для строительства Смоленского кремля автор выявляет важные особенности отношений государственной власти России с торгово-ремесленным населением и духовными и светскими землевладельцами при решении важных государственных задач.

Ключевые слова: государственная власть, дворянство, духовенство, каменщики кирпичники, мобилизация.

Summary By the example of analyzing the evidence of the mobilization of different groups of the population for the construction of the Smolensk Kremlin, the author reveals important features of the relations of the Russian state authorities with the commercial and craft population and spiritual and secular landowners in solving important state tasks.

Keywords: state power, nobility, clergy, bricklayers, mobilisation.

Хорошо известно, что важной особенностью исторического развития России в эпоху позднего средневековья является сильная позиция центральной государственной власти по отношению к таким важным частям общества, как дворянство, духовенство и городское население. Важной задачей исторической науки является изучение системы взаимоотношений власти с этими частями общества. Как представляется, сохранившийся комплекс известий о строительстве Смоленского кремля на рубеже XVI и XVII вв. дает возможность выделить некоторые важные черты взаимоотношений между ними и государственной властью и проследить определенную эволюцию этих отношений.

Строительство очень важной пограничной крепости, которое следовало осуществить на высоком профессиональном уровне и в сжатые сроки, побудило русское правительство прибегнуть к особым мерам, которые

привлекли к себе внимание современников, писавших уже в XVII в. о событиях Смуты и отмечавших важные события, предшествующие Смуте.

Строительство Смоленского кремля было таким важным событием, о котором специальные известия читаются в «Новом Летописце» — главном официальном рассказе о событиях русской истории конца XVI — XVII вв. В этом рассказе специально отмечено, что, когда в конце правления царя Федора было принято решение о строительстве кремля в Смоленске, царь «во все грады посла, повеле имати каменщиков и кирпичников поимати, а повеле их послать в Смоленск для каменного и кирпичного дела»¹. Подробный комментарий к этому известию дает текст грамоты от 5 марта 1600 г. Ивану Михайловичу Толбузину, отправленному для производства такой мобилизации в г. Кашин². Для производства соответствующих мер Толбузину был послан список: «которые наши письменные каменщики и кирпичники из Кашина бывали у нашего у смоленского городского дела и у иных наших дел». Из этого текста следует, что «каменщики» и «кирпичники» из Кашина (как очевидно, и из других русских городов) были внесены в составленные в Москве списки таких мастеров (даже в тексте они фигурируют, как «записные... каменщики и кирпичники») и многократно мобилизовались для выполнения различных «дел», связанных, очевидно, со строительством.

Эти «записные» мастера должны были сообщить посланцу имена мастеров и их учеников, которые еще не внесены в списки. На этот раз должны были быть мобилизованы не только строители, но и «горшечники и кувшинники, и печники, и гончары, и жерновные и точильные мастера», и даже мастера, которые делают доски «на гробы», а в списки следовало внести «детей и братью, и дядю, и племянников, и учеников, и козаков, которые те дела умеют делать». Таким образом, речь шла об учете как можно большего круга людей, которых можно было бы использовать на работах, связанных со строительством крепости, если не теперь, то в будущем. Тем «записным» мастерам, которые скрыли бы сведения о таких людях, угрожала смертная казнь.

В наказе определялись и условия содержания таких мастеров при исполнении ими «государева дела». Для проезда мастеров к Смоленску царский посланец должен был нанять «подводы под их снасти», но корм по дороге они должны были покупать на свои деньги по цене, «как крестьяне меж себя купят». На время работы мастерам полагался корм — «на день по четыре

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. 14. С. 47.

² Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2002. Т. 3. № 434.

денги», а «всяким мастерам от кирпичу» полагалось за 1 тыс. кирпичей по 11 алт. 4 ден. На время строительства Смоленского кремля в городе Кашине и в уезде запрещалось строить «церковь или погреб каменный или иное что каменное дело», а также изготовлять кирпич и изделия из глины. Нарушителям этого запрета также угрожала смертная казнь.

Интересы каких слоев общества затрагивали эти действия, связанные со строительством Смоленского кремля? Во-первых, речь шла, конечно, о ремесленниках русских городов, которые «живут на посаде», причем не только о полноправных членах посадской общины, но и о тех, «кто живет в черных местех в захребетниках». Это показывает характер отношений государства и посадских людей — мастеров. Можно попытаться выяснить, как складывались такие отношения с течением времени.

В России XV — раннего XVI в. строительство крепостей, как правило, деревянных (строительство каменного кремля в Москве в XIV в. воспринималось как чрезвычайное событие), состоявших из «городен» — деревянных срубов заполненных землей, — не представляло больших трудностей. Для этого достаточно было использовать труд приписанного к «граду» податного населения, жителей как государственных, так с частновладельческих земель, отдельным группам которых великокняжский «городчик» устанавливал сколько «городен» они должны были поставить³. Для людей, хорошо знакомых с работой по дереву в собственном хозяйстве, такая работа, при наличии соответствующих компетентных указаний, вероятно, не представляла серьезных трудностей.

Новые сложные задачи появились во второй половине XV в. со строительством больших каменных крепостей в Москве, а затем — в других крупных центрах (как в Новгороде в начале XVI в.). Для такого строительства требовалось прежде всего большое количество строительных материалов, которые следовало заготовить и доставить на место. Отсюда наложение новых обязанностей на податное население. Об этих обязанностях говорилось в документах из церковных архивов первой половины XVI в., когда отдельные владения освобождались от таких обязанностей временно или постоянно⁴. Для крепостного строительства следовало заготавливать камень и известь и доставлять их на место строительства, подчас

---

³ См. об этом: *Носов Н.Е.* Очерки местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.; Л., 1957. С. 76 и след.

⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства (далее — АФЗиХ). М., 1955. Ч. 1. № 25; Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983. № 75, 147.

на достаточно далекие расстояния. Так, по грамоте 1545 г. следовало везти известь в Москву из сел в Ржевском и Волоцком уездах⁵.

Однако помимо такого материала нужны были мастера, которые занимались бы изготовлением кирпича и кладкой стен, и их, как представляется, было не так легко в нужном количестве найти в стране с традициями деревянного строительства. Неслучайно Иван III был вынужден искать «мастеров... каменосечець» из Италии⁶. Усилия по привлечению «стенных» мастеров продолжались вплоть до начала XVI в.⁷ О том, как итальянские мастера руководили рабочими при строительстве Московского Кремля, сохранилось много сведений. Для выполнения столь масштабных работ они, очевидно, должны были готовить каменщиков и кирпичников из среды местного населения, но об этой стороне дела и тем более об условиях работы русских мастеров имеющиеся источники ничего не сообщают. Отсутствуют и известия на этот счет в сообщениях о строительстве каменных стен Китай-города в 30-х гг. XVI в. и других крепостей⁸.

Уже в середине XVI в. возникла необходимость собирать мастеров для строительства больших каменных крепостей. Так, после взятия Казани, как известно, в 1555 г. было приказано «прибрать двесте человек псковских каменщиков, стенщиков и ломцов» «к весне новый город Казань камен делати». Новгородские кузницы должны были изготовить для «ломцов» «всякие снасти, как камень ломати»⁹. Таким образом, для крепостного каменного строительства стремились использовать мастеров из западных областей Русского государства, где более широко была распространена практика каменного строительства. При этом другие ремесленники должны были изготовить для них орудия труда. Но это были отдельные поручения, выполнив которые мастера возвращались к своим обычным занятиям.

Как представляется, с течением времени, когда на смену деревянным укреплениям в XVI в. все чаще стали приходиться каменные крепости, власть столкнулась с новыми сложными задачами. Так, нужны были специалисты, которые должны были поддерживать эти укрепления в порядке. Так, в Коломне, где каменный кремль был построен в 20-х гг. XVI в., по писцовой

---

⁵ АФЗиХ. М., 1956. Ч. 2. № 184.

⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 302.

⁷ Таких мастеров привезло еще посольство в 1504 г. (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20: Первая половина. С. 375).

⁸ См. об этом строительстве: *Крам М.М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-х — 40-х годов XVI века. СПб., 2010. С. 555–560.

⁹ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 82.

книге 1577–1578 гг. находились 8 казенных каменщиков и 9 кирпичников¹⁰. Разумеется, таких мастеров требовалось во много раз больше, когда вставал вопрос о строительстве большой каменной крепости, а вопрос становился все более актуальным с усилением с течением времени возможностей артиллерии. Между тем в стране, где исторически преобладало деревянное строительство, не могло быть значительного количества каменщиков и кирпичников.

По-видимому, проблему первоначально пытались решить, налагая новые обязанности на податное население. Характерно, что по грамоте 1565 г. жители подмосковного села Коровничьево Симонова монастыря получили возможность «кирпичю на Москве и по городом не делати и не возити»¹¹. Такая практика, однако, как представляется, не могла обеспечить крепостное строительство квалифицированными специалистами. Положение изменилось, по-видимому, в начале 70-х гг. XVI в. Исследователи давно обратили внимание на свидетельство Д. Горсея о том, что после разорения Москвы крымскими татарами в 1571 г. царь «подрядил семь тысяч каменщиков и строителей построить красивую каменную стену вокруг Москвы, что и было сделано за 4 года»¹². Исследователи справедливо предполагают, что здесь ошибочно приведены сведения о строительстве в Москве Белого города во второй половине 80-х гг. XVI в. (об этом говорят упоминание «каменной стены» и четырехлетний срок работ)¹³. Вместе с тем нельзя отвергать свидетельство Горсея о восстановлении укреплений Москвы после событий 1571 г. Укрепления эти понесли серьезный ущерб. По свидетельству «Пискаревского летописца», была взорвана даже часть стен Кремля и Китай-города¹⁴. Следовало выполнить большую работу, и при этом срочно, так как в 1572 г. Москве угрожало новое татарское нашествие. Очевидно, тогда и была предпринята срочная мобилизация «каменщиков и строителей» со всей территории Русского государства.

Эта мобилизация имела определенные важные последствия, сведения о которых содержатся в указанной грамоте Ивана IV 1575 г.¹⁵ Появление грамоты было вызвано жалобами властей Покровского Суздальского монастыря

¹⁰ Чечулин Н.Д. Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889. С. 156.

¹¹ Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря... № 147.

¹² Горсей Д. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 59.

¹³ См.: Косточкин В.В. Государев мастер Федор Конь. М., 1964. С. 47–48; Сперанский А.Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 11–12.

¹⁴ Материалы по истории СССР / Отв. ред. А.А. Новосельский. М., 1955. Т. 2. С. 80.

¹⁵ Акты Российского государства. Т. 3: Акты Покровского Суздальского девичья монастыря XVI — начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, А.В. Маштафаров. М., 2019. № 79 (3 марта 1575 г.)

на каменщиков, которые поселились в монастырском селе, но «тягла некоторые не тянут и изделия не делают». В царской грамоте они фигурируют как «каменщики, которые написаны к нашему делу». Таким образом, принятая мобилизация сопровождалась внесением собранных каменщиков в списки. И этих людей в дальнейшем можно было привлекать «к нашему делу». Важно при этом отметить, что учету, а затем и мобилизации подлежали не только каменщики, живущие на государственных землях, но и каменщики на землях частновладельческих.

Когда встал вопрос, что таких мастеров следует постоянно привлекать к несению «службы», возник вопрос о предоставлении им особого статуса, который бы заинтересовал их в ее несении. Как показал в своем исследовании А.Н. Сперанский, в конце правления Ивана IV и в начале правления Федора Ивановича изменился социальный статус мастеров, записанных в составленные ранее списки. Перемены были связаны со стремлением власти обеспечить себе «службы» этих людей. В отношениях с торговоремесленным населением государственная власть, когда она нуждалась в каких-то особых «службах», изымала из состава городской общины людей нужных специальностей и освобождала их от уплат и обязанностей обычных членов городской общины, чтобы они могли сосредоточить свои силы на выполнении «службы»¹⁶.

Так было сделано и со строителями. О переменах позволяют судить грамоты Михаила Федоровича кирпичникам разных городов (Костромы и Тулы), получавших после Смуты подтверждения жалованных грамот Ивана IV и Федора Ивановича 1586 г.¹⁷ Перемены касались всего большого слоя строителей разных местностей и разных специальностей. Так, в грамоте костромским кирпичникам указывалось, что им даются права «против иных каменщиков и кирпичников». Они освобождались «от черных от тяглых от всяких дел» и от податей, а также от уплаты проезжих пошлин, «как они пойдут к нашему каменному и кирпичному делу». Одновременно они изымались из юрисдикции местных властей и подчинялись суду нового центрального государственного учреждения — Приказа каменных дел. Что такие права были получены уже в конце XVI в., а не после Смуты, показывает их отражение в писцовом описании Тулы 1586–1589 гг., где при описании имущества кирпичника отмечалось, что ранее он был «черной человек»¹⁸.

---

¹⁶ См.: *Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества в восточных и западных славян // *Отечественная история.* 1992. № 2. С. 68–71.

¹⁷ См.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 78; *Сахаров И.П.* История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1. С. 7–45.

¹⁸ *Сперанский А.Н.* Указ. соч. С. 7–11.

Окончательно характер «служб» строителей, как представляется, был установлен в конце 80-х гг. XVI в.

Первые годы правления царя Федора были отмечены большими строительными работами. Прежде всего это было строительство каменных стен Белого города — огромное строительство, растянувшееся на ряд лет¹⁹. Именно для него и было мобилизовано 7 тыс. каменщиков. Другое крупное строительство было предпринято тогда же в Астрахани. Как отмечено в «Пискаревском летописце», для строительства Астраханского кремля в город были привезены остатки каменных построек из столицы Золотой Орды — Сарая, «и зделан город безчисленно хорош, округом (его) пояс мраморен да красен»²⁰. Работа была также большой и сложной. Из переписки Москвы с астраханскими воеводами видно, что еще в 1591 г. здесь имели место острые споры об изготовлении извести для строительства²¹. Как представляется, именно в этих условиях правительство, стремясь добиться заинтересованности мастеров в выполнении их «служб», приняло решение об оплате их работы. Важные сведения на этот счет содержит наказ Данилу Ивановичу Исленьеву, направленному в Польско-Литовское государство в 1591 г. В нем отмечалось, что благодаря заслугам Бориса Годунова имело место «строение во всей земле, како никогда не бывало, города каменные в Москве и в Астрахани поделал». В дальнейшем, в связи с этим сообщением, в тексте читается, что теперь «не делают посохи ни к какому делу, городовые дела всякие делают из казны наймом»²². Отказ от «посохи» — некавалифицированного бесплатного труда податного населения — остался, как увидим, благим пожеланием, а оплата «городовых дел», очевидно, с конца 1580-х гг. стала реальностью. В декабре 1595 г. в наказе князю Василию Звенигородскому, отправленному в Смоленск организовать на месте производство кирпича и извести, предписывалось: «Там все дела делати наймом и наймовати им на все дела охочих людей, уговариваяся с ними»²³. О выдаче платы за работу говорилось и в приведенной в начале статьи грамоте 1600 г. В переписке Москвы с астраханскими воеводами упоминается о посылке в Астрахань 3 тыс. руб. «на городовое на каменное дело»²⁴. Сложившаяся

¹⁹ О строительстве Белого города см.: *Косточкин В.В.* Указ. соч. С. 44–71.

²⁰ Материалы по истории СССР. Т. 2. С. 91.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АИ). Ч. 1. № 239. Стб. 239.

²² Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 288. См. также известие «Пискаревского летописца», что в 1594/95 г. царь Федор в Китай-городе «лавки велел ставити каменные своею казною» (Материалы по истории СССР. Т. 2. С. 91).

²³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее — ААЭ). М., 1836. Т. 1. № 365. С. 410.

²⁴ АИ. Т. 1. № 230. Стб. 443.

в то время система отношений продолжала функционировать и на рубеже XVI и XVII вв. В летописных известиях о строительстве Смоленского кремля отмечается как новое небывалое явление не сам факт мобилизации мастеров, а лишь ее непривычно большой масштаб.

К этому времени относится и правовое определение «каменщиков» как особой группы служилых людей, связанных с обеспечением военных нужд государства. В так называемом Судебнике 1589 г., составленном на Русском Севере, об установлении штрафа за «бесчестие» указывалось: «А стрелцам и ратным людем... и каменщикам, что царь государь укажет»²⁵. Это свидетельство показывает, что к этому времени «каменщики» наряду со стрельцами вошли в состав служилых людей по прибору, которые несли важную для государства «службу». То, что «служба» эта была временной, от случая к случаю, не имело в данном случае принципиального значения.

Политика государственной власти по отношению к мастерам-строителям определялась противоречием между необходимостью осуществления масштабного каменного строительства в сжатые сроки и недостатком в стране кадров для осуществления таких планов. Искались разные способы разрешения этого противоречия. Так, предполагалась мобилизация возможно более широкого круга участников. Из наказа И.М. Толбузину видно, что для производства кирпича следовало мобилизовать всех мастеров, занятых изготовлением изделий из глины, одних кирпичников явно не хватало. С помощью разных мер стремились сделать участие мастеров в строительстве обязательным. Этой цели в наказе И.М. Толбузину служила такая мера, как запрет соответствующих работ на месте проживания строителей, чтобы у них не было другого выхода, кроме как идти на «службу». К этому добавлялись суровые дисциплинарные меры. Тем, которые «от нашего дела утаятся», угрожала смертная казнь, а условия «найма» указывались уже в наказе Толбузину так, что о какой-либо договоренности здесь не приходилось говорить. Городское самоуправление при установлении таких порядков ни в какой связи не упоминалось.

Все это достаточно определенно говорит о сильном подчинении торгово-ремесленного городского населения государственной власти, что давало широкие возможности для использования его отдельных слоев для решения стоявших перед государством важных задач.

Сложившаяся в конце XVI в. система отношений власти к такой части городского населения, как каменщики и кирпичники, продолжала действо-

---

²⁵ Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4. С. 421.

вать и в XVII в., когда эти мастера продолжали находиться на учете Приказа каменных дел²⁶.

Однако (и на это следует обратить внимание) мобилизация мастеров касалась не только мастеров — членов посадской общины; мобилизации подлежали, судя по наказу посланцу в Кашин, и тех, кто живут «в слободах во всех за патриархом и за митрополиты, и за монастыри, и за дворяне, и за дьяки, и за детьми боярскими». В этой части наказа, явно воспроизводившей общегосударственное постановление (никаких «слобод» патриарха в Кашинском уезде не было), перечислялись категории церковных землевладельцев, начиная с патриарха, две главных части дворянского сословия — дворяне и дети боярские, — а также дьяки. Мобилизация не распространялась только на владения членов Боярской думы. Смертная казнь, согласно наказу, угрожала тому, кто «утаит» нужного мастера или устроит в своем владении запрещенные работы («тем людям, у кого те дела учнут делати... быть казненными смертью»). Суровые санкции угрожали, таким образом, не только мастерам, но и их хозяевам.

Определенный комментарий к этой части предписаний наказа дает отписка слуги Покровского Суздальского монастыря Василия Второго от 25 марта 1599 г.²⁷ Слуга ходатайствовал о том, чтобы оставить в монастыре двух мастеров-печников, которые делали печи «в монастырских обиходах». С такой просьбой он обратился к дьяку Нечаю Перфирьеву, ведавшему работами по строительству смоленской крепости²⁸. Но от дьяка слуга услышал, что есть «государев приказ и боярский приговор» забирать мастеров везде «и у князей, и у бояр, и в монастырех и в своих государевых селех», и узнал, что царь велел «казнить без милости смертною казнью» тех, кто «тех людей государеву посланнику не дадут». И дьяк настоятельно советовал передать мастеров посланнику, «не издержав». Из этого следовало, что не позднее начала 1599 г. были приняты очень жесткие решения о принудительной мобилизации мастеров всех категорий земель и лишь позднее, судя по грамоте 1600 г., они были несколько смягчены. Отписка служит одновременно и свидетельством того, что эти решения выполнялись. С санкциями, по-видимому, не торопились, но они были установлены.

Но дело не ограничивалось мобилизацией мастеров — строителей из владений церковных и светских землевладельцев. Подлежало безвозмездной конфискации и имущество, нужное для организации работ

²⁶ *Сперанский А.Н.* Указ. соч. С. 29 и след.

²⁷ Акты Российского государства. Т. 3. № 287.

²⁸ О посылке Н. Перфирьева в Смоленск см. в «Пискаревском летописце» (Материалы по истории СССР. Т. 2. С. 94–95).

по строительству. Так, в наказе В.А. Звенигородскому 1595 г. предписывалось отобрать «в Смоленске на посаде и в уезде сараи и печи все владычны и монастырские и всяких людей... где дельвали кирпич и известь и кирпич жгли»²⁹. Таким образом, конфискации подлежали даже сараи и печи во владениях смоленского архиепископа.

Разумеется, и в других государствах частновладельческое население должно было участвовать в укреплении крепостей. Несмотря на широкие привилегии дворянства Великого княжества Литовского, на нем также лежало обязательство нести «роботы на будованье городов наших новых... а старых поправление»³⁰. Эти обязательства были подтверждены особым решением сейма 1551 г., однако многие представители знати еще раньше добивались освобождения от этих обязательств; как показала ревизия 1545 г. замков в южных областях государства, на практике соответствующие обязательства часто не выполнялись и теми, кто не имел освобождения³¹. Не могло быть речи о том, чтобы великокняжеская администрация вмешивалась в жизнь имения, мобилизуя нужных мастеров, и тем более о карательных санкциях по отношению к их владельцам, как и о конфискации имущества. Очевидна сильная позиция власти России по отношению к светским и церковным землевладельцам.

Разумеется, для строительства огромной крепости со стенами толщиной в 4,9 м и высотой 9,6 м и 38 трехъярусными башнями работы одних мобилизованных мастеров было недостаточно. Как отмечено в «Пискаревском летописце», материал для их работы, «камень и известь везет из дальних городов вся земля»³². В «Новом летописце» также отмечено, что «камень возили изо всех городов, а камень имали, приезжая из городов, в Старице да в Рузе»³³. Употребленные формулировки говорят о том, что эта отработочная повинность охватывала все податное население страны. Почему составители летописных текстов обратили на это особое внимание, выясняется при обращении к источникам из церковных архивов более раннего времени.

Хорошо известно, что в раннем XVI в. продолжала сохраняться практика использования неквалифицированного труда податного (крестьянского и городского) населения в «городовом деле». Как известно, в грамотах Иосифо-Волоколамскому монастырю 1575 г. отмечалось, что «город делати»

²⁹ ААЭ. Т. I. № 365. С. 450.

³⁰ Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI в. Л., 1936. С. 8–9 (привилей 1457 г.).

³¹ Любавский М.К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 210–213.

³² Материалы по истории СССР. Т. 2. С. 95.

³³ ПСРЛ. Т. 14. С. 54.

обязаны крестьяне всех сел, «что за бояры и за детьми боярскими и за служилыми людьми в поместье, и митрополичьи, и владычными, и вотчинами, и купляни, и монастырскими, и черными»³⁴. Таким образом, подчеркивалось, что соответствующая повинность лежит на населении не только государственных — «черных», но и на всех категориях честновладельческих земель Исключений, к числу которых принадлежал Иосифо-Волоколамский монастырь, было немного. В рассказе официальной летописи о строительстве в 1534–1553 гг. в Москве «землена града», вероятно, не случайно подчеркивалось, что было приказано «делати град и ров копати митрополичим и боярским и княжим всем людем без выбора»³⁵.

Сохранившийся для более позднего времени такой содержательный источник, как приходно-расходные книги Болдина Дорогобужского монастыря, позволяет установить, что при этом соблюдались определенные правила. Наиболее ранние монастырские книги относятся ко второй половине 80-х гг. XVI в., когда происходило большое строительство каменных стен Белого города. Как видно из записей в этих книгах, монастырские крестьяне участвовали в перевозке камня «к городовому делу» и в перевозке извести из Мячкова в Москву³⁶. В этих работах участвовали, однако, только крестьяне подмосковных сел этой смоленской обители. Очевидно, что обычным порядком было привлечение к «городовому делу» крестьян тех владений, которые располагались в районе города, в котором строилась крепость. При строительстве Смоленска эта практика была пересмотрена и к участию в строительстве были привлечены частновладельческие крестьяне «из дальних городов».

Это утверждение летописцев подкрепляют свидетельства документов из архива Покровского Суздальского монастыря. Расположенная в Суздальском уезде обитель никаких владений на территории Смоленской земли не имела. Однако крестьяне владений монастыря приняли участие в строительстве. Так как никакой платы монастырским крестьянам за работу не полагалось, то крестьяне занимали у властей монастыря деньги «в смоленскую каменую возку»³⁷. От января–февраля 1600 г. сохранился ряд расписок о получении от крестьян разных владений монастыря определенного количества камней и дров, доставленных ими в Смоленск из Старицы³⁸.

---

³⁴ АФЗиХ. Ч. 2. № 62, 63.

³⁵ ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13: Вторая половина. С. 82.

³⁶ Русская историческая библиотека. Пг., 1923. Т. 37. Стб. 29, 39, 79. О Мячкове и его роли в Московском строительстве см.: *Сперанский А.Н.* Указ. соч. С. 36–37.

³⁷ Акты Российского государства. Т. 3. № 291, 292.

³⁸ Там же. № 297–299, 300–305.

Свидетельство документов Покровского Суздальского монастыря важно и в другом отношении. Монастырь являлся привилегированной аристократической обителью, среди его монахинь в 80-х гг. XVI в. были члены царской семьи — вдовы царевича Ивана Ивановича. Если население владений такого монастыря вынужденно принимало участие в смоленском строительстве, то тем более в нем участвовали и менее привилегированные церковные землевладельцы.

На работах были задействованы даже крестьяне самой почитаемой, близкой к царскому двору обители — Троице-Сергиева монастыря. Сохранились сведения о некоторых льготах, предоставленных обители в связи с этим. Нормы соответствующих работ устанавливались в зависимости от размера пашни (количества сох) во владении. К 1598 г. относятся распоряжения об освобождении от повинности 9^{35/36} сох монастырской земли, «что пашут детеныши на монастырь», но это не касалось остальных 70^{77/96} сох монастырской вотчины³⁹.

Рассмотрение и этого аспекта отношений показывает очевидное усиление позиций центральной власти по отношению к церковным и светским землевладельцам Русского государства. В свете этих наблюдений становится особо очевидным контраст между положением в Великом княжестве Литовском и в России в отношении исполнения «городового дела», что, конечно, было связано с разным характером отношений между государственной властью, с одной стороны, духовенством и дворянством — с другой.

Благодаря принятым чрезвычайным мерам, несмотря на серьезные трудности, связанные с очевидным дефицитом кадров квалифицированных строителей, в сжатые сроки в 1598–1600 гг. в Смоленске была поставлена мощная каменная крепость, которую затем долгое время (в течение двух лет) безуспешно осаждала польско-литовская армия.

Литература

- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Ч. 1.
- Акты Российского государства. М., 2019. Т. 3: Акты Покровского Суздальского девичья монастыря XVI — начала XVII в. / Сост. А.В. Антонов, А.В. Машгафаров.
- Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. М., 2002. Т. 3.
- Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты Московского Симонова монастыря. Л., 1983.

---

³⁹ Черкасова М.С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996. С. 189.

- Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1955. Ч. 1; М., 1956. Ч. 2.
- Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. М., 1836. Т. 1.
- Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией СПб., 1846. Т. 1.
- Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI в. Л., 1936.
- Косточкин В.В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964.
- Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30-х — 40-х годов XVI века. СПб., 2010.
- Любавский М.К.* Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.
- Материалы по истории СССР / Отв. ред. А.А. Новосельский. М., 1955. Т. 2.
- Носов Н.Е.* Очерки местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.; Л., 1957.
- Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956.
- ПСРЛ. СПб., 1906. Т. 13. Вторая половина; М., 2000. Т. 14; М.; Л., 1949. Т. 25; СПб., 1910. Т. 20.
- Сахаров И.П.* История общественного образования Тульской губернии. М., 1832. Ч. 1.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4.
- Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.
- Флоря Б.Н.* «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 68–71.
- Черкасова М.С.* Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV–XVI вв. М., 1996.
- Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.